

АССИМЕТРИЯ ДИМИНУТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Косимова Азиза Миршакарровна

магистрант 2 года обучения по специальности
«Лингвистика: английский язык»

Узбекский государственный университет мировых языков,
Ташкент, Узбекистан

Шевцова Ольга Владимировна

кандидат филологический наук, доцент кафедры общего языкознания
Узбекский государственный университет мировых языков,

Ташкент, Узбекистан

E-mail: azizakosimova1@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается структурная и семантическая асимметрия диминутивных систем английского и русского языков в рамках антропоцентрической парадигмы.

Проблематика исследования определяется несоответствием между богатым словообразовательным потенциалом диминутивов в русском языке и их значительно более ограниченной деривационной активностью в английском.

Установлено также, что в русском языке диминутивы занимают системообразующее место в словообразовательных гнездах и способны продолжать деривационные цепочки, тогда как в английском они чаще функционируют как периферийные, деривационно изолированные единицы.

Ключевые слова: диминутивы, лексикализация, прагматика, семантический сдвиг, субъективизация.

Annotatsiya. Maqolada antropotsentrik paradigma doirasida ingliz va rus tillaridagi diminutiv tizimlarning strukturaviy va semantik asimetriyasi ko'rib chiqiladi. Tadqiqot muammosi rus tilida diminutivlarning boy so'z yasash salohiyati bilan ingliz tilida ularning ancha cheklangan derivatsion faolligi o'rtasidagi nomutanosiblik bilan belgilanadi. Shuningdek, rus tilida diminutivlar so'z yasash uyalarida tizim hosil qiluvchi o'rin egallashi va derivatsion zanjirlarni davom ettira olishi aniqlangan, ingliz tilida esa ular ko'proq periferik, derivatsion jihatdan izolyatsiyalangan birliklar sifatida faoliyat yuritadi.

Kalit so'zlar: diminutivlar, nominatsiya, so'z yasash asimetriyasi, subyektivlashuv, pragmatika.

Abstract. The article examines the structural and semantic asymmetry of diminutive systems in English and Russian within the framework of the anthropocentric paradigm. The research problem is determined by the discrepancy between the rich word-formation potential of diminutives in Russian and their significantly more limited derivational activity in English. It is also established that in Russian diminutives occupy a system-forming position within word-formation nests and are capable of extending derivational chains, while in English they more often function as peripheral, derivationally isolated units.

Key words: diminutives, nomination, word-formation asymmetry, subjectivization, pragmatics.

Антропоцентрическая парадигма, утвердившаяся в современной лингвистике в последние десятилетия, ставит человека в центр языковой системы как субъекта номинации, оценки и коммуникации.

По утверждению Е.С. Кубряковой, «язык – это окно в концептуальный мир человека» [2, 48], а словообразовательные механизмы служат одним из наиболее наглядных проявлений того, как говорящий структурирует и осмысляет окружающую действительность.

Диминутивы занимают особое место в этой системе: они не только выражают уменьшительность как объективное свойство денотата, но и фиксируют субъективную позицию говорящего, его эмоциональное отношение, оценку, степень близости и вовлечённости. Именно эта двойственность делает диминутивы ценнейшим материалом для изучения антропоцентрических стратегий номинации в сопоставительном аспекте.

В теории словообразования диминутивы традиционно рассматриваются как производные единицы с уменьшительно-ласкательной семантикой.

Однако антропоцентрический подход позволяет взглянуть на них значительно шире. И.С. Улуханов подчёркивает, что словообразовательная мотивированность неотделима от намерения говорящего и его интерпретирующей деятельности [4, 112].

В этом смысле диминутивообразование представляет собой не просто морфологическую операцию, но акт субъективной квалификации объекта, включающий следующие компоненты: (1) **квантитативный** – уменьшение реального или воображаемого размера (ср. рус. *домик* – небольшой дом); (2) **аффективный** – выражение эмоционального отношения говорящего (ср. рус. *кошечка, сыночек*); (3) **прагматический** – регуляция дистанции между участниками коммуникации (ср. англ. *duckling* в детской речи).

Принципиально важно, что в разных языках эти компоненты соотносятся по-разному. Если в русском языке аффективный компонент нередко выходит на первый план даже при отсутствии реального уменьшения размера (ср. *солнышко, деточка*), то в английском языке квантитативный компонент сохраняет более тесную связь с формальной структурой слова.

Эта разница свидетельствует о принципиальной асимметрии диминутивных систем двух языков.

Русский язык располагает чрезвычайно разветвлённой системой диминутивных суффиксов: *-ик/-ник, -чик, -ок/-ёк, -ец, -иц(a), -ушк(a)/-юшк(a), -еньк(a)/-оньк(a)* и многими другими.

По данным «Русской грамматики» [3], диминутивное словообразование охватывает все основные части речи и пронизывает как литературный, так и разговорный регистры. Высокая продуктивность этих моделей обусловлена самой природой русской коммуникации, в которой оценочность и экспрессия являются нормой, а не отклонением.

Английский язык, напротив, располагает значительно более ограниченным репертуаром диминутивных суффиксов.

К продуктивным можно отнести: *-let (booklet, droplet, piglet), -ling (duckling, seedling, princeling), -ie/-y (doggy, birdie, daddy), -ette (kitchenette, novelette)*. При этом суффикс *-let* тяготеет к нейтральной, терминологической лексике (ср. *leaflet*,

hamlet), тогда как *-ie/-y* функционирует преимущественно в разговорной речи и детском языке.

С точки зрения антропоцентрической семантики особый интерес представляет механизм *субъективации значения* – процесс, при котором формально диминутивная единица утрачивает количественный смысл и приобретает исключительно оценочную или прагматическую функцию.

В русском языке этот процесс крайне развит: *чайк, водочка, денежки*.

В этих словах уменьшение размера не подразумевается вовсе; суффикс сигнализирует о близости говорящего к предмету речи, о неформальности регистра или иронии.

В английском языке аналогичная субъективация реализуется, как правило, через иные средства: лексические (использование слов *tiny, little, wee* в препозиции к существительному), интонационные или синтаксические.

Это принципиальное различие в *стратегии номинации* отражает более широкую антропологическую закономерность: русскоязычный коммуникант склонен «встраивать» оценку непосредственно в структуру слова, тогда как английский предпочитает выносить её за пределы производного слова в контекст и синтаксис [1, 87; 5, 217].

Данная асимметрия особенно отчётливо проявляется при сопоставлении англо-русских соответствий. Так, русскому стакан → *стаканчик* (уменьшение + ласковость) в английском нередко соответствует нейтральное *a small glass* или *a little cup*, тогда как английскому *kitchenette* в русском могут соответствовать как *кухонька*, так и нейтральное маленькая кухня в зависимости от прагматических условий высказывания.

Особого внимания заслуживает функционирование диминутивов как элементов комплексных единиц словообразования – словообразовательных гнезд, цепочек и парадигм.

Понятие комплексных единиц, разработанное в российской дериватологии (Е.А. Земская, М.Н. Янценецкая, Е.С. Кубрякова) [1; 2], позволяет рассматривать диминутив не изолированно, а в системных связях с другими производными того же гнезда.

В английском словообразовательном гнезде диминутивный дериват, напротив, нередко является «тупиковым» – от него не образуются дальнейшие производные. Так, *booklet* не порождает **bookleting* или **bookletish*, тогда как в русском диминутив нередко становится базой для продолжения деривационной цепочки. Так, *дом* → *домик* → *домишко* представляет собой цепочку с нарастающей экспрессивностью; *рука* → *ручка* → *ручонка* демонстрирует ступенчатое уменьшение с усилением ласкательного компонента; *сад* → *садик* → *садок* → *садочек* – пример регионально и стилистически варьируемого гнезда.

Показателен также глагольный вектор деривации: от диминутива *шажок* (← *шаг*) образуется глагол *шажковать* (в просторечии), что свидетельствует о способности диминутива менять частеречную принадлежность производного.

Этот факт свидетельствует о том, что в английском языке диминутив занимает периферийную позицию в словообразовательном гнезде, тогда как в русском он интегрирован в деривационную систему значительно глубже.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Асимметрия диминутивных систем английского и русского языков не является случайной или сугубо формальной: она отражает глубинные различия в антропоцентрических стратегиях номинации, свойственных носителям этих языков. Русская диминутивная система отличается высокой продуктивностью, разветвлённостью суффиксального репертуара и сильно развитой функцией субъективации, при которой говорящий «встраивает» собственную оценку в структуру слова. Английская система, напротив, характеризуется большей структурной сдержанностью: оценочные и прагматические смыслы преимущественно выносятся за пределы производного слова и реализуются контекстуально.

С точки зрения комплексных единиц словообразования данная асимметрия проявляется в том, что в русском языке диминутивы занимают центральное, системообразующее место в словообразовательных гнёздах и парадигмах, тогда как в английском они чаще функционируют как периферийные, деривационно изолированные единицы.

Результаты исследования могут быть использованы в теории словообразования, сопоставительной лингвистике, а также в практике перевода и преподавания иностранных языков.

Список литературы

1. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
4. Улукханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке. – М.: Наука, 1996. – 256 с.
5. Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. – New York: Oxford University Press, 1992. – 487 p.